

Речь не о Пушкине

Н едавно увидел по каналу «Культура» ошеломляющий шедевр — картину Рустама Хамдамова, снятую на «Казахфильме», кажется, в 2005 году. Рассказывать — нелзя; надо всё пересказывать, по кадрам, из которых каждый тоже шедевр. Решительно всё полно скрытой красоты, источаемой, кажется, самою природой, что изредка в кадре появляется.

Какой-то хлев — то ли коровий, то ли овечьи: горы соломы, навоз, загородки и прочее, что бывает в хлеву. Взгляд, однако, натывается на странное: роскошные ковры, то валяющиеся среди сена, то, как бёлья, сложенные в пачки; видно, раньше здесь было что-то совсем другое; позже появятся роуля. А сейчас из глубины хлева выходит какая-то казахская бабка в каком-то зипуне, вроде бы с капюшоном. Открывает рот — и мы слышим бессмертную арию Чино-Чо-сан.

«Сюжет» фильма — концерт оперной классики. Звучат волшебное сопрано Бигбигу Тулегеновой, благородный контранер Эрика Курмангали, божественные голоса других солистов казахской оперы, народных артистов СССР, — и всё это среди коров, овец, сена и навоза, в таких же или подобных интерьерах. И всё овеяно могучей и ненавязчивой красотой природы, которая словно бы сама этими толасами и поёт.

Ведёт концерт наденно-гламурная «звезда» типа топ-модели (великолепная Рената Литвинова), скачущая, разраженная, путающая Пуччини с Верди. В финале концерта всё эта тяготинка ей напоследок, терпение кончается, и она забрасывает исполнителей — не цветами, а — увлечённо и яростно — яблоками апорт: мол, нате, полавите! А в самом конце мы слышим дуэт Татьяны и Ольги, его изумительно поют две вобгие тётки (народные артистки), сидящие в открытой кабине едва ли не картонного самолётика вроде У-2, так что этот последний, изгнанный номер доносится к нам уже с небес — как «музыка сфер».

В этом фильме, ни на что решительно не похожем (как, скажем, творения Парджанова, Тарковского, Сокурова), где звучит музыка Пуччини, Глинки, Шумана, Верди, Чайковского, — в этом фильме музыка прощается с нами. Это реким по великой культуре, уходящей от нас туда, откуда она и явилась. И вместе с тем это плач по великой многонациональной распавшейся державе.

Назван фильм прямо, честно и сухо: «Вокальные параллели». На картину с таким названием пойдёт только тот, кому «это нужно». Не пойдут ни владельцы игровых заведений, ни студенты и работники Высшей школы экономики, ни министры чего-нибудь — например, образования, — ни слесари-водопроводчики, ни тот олигарх, который как то прилюдно заявил, что после чтения Достоевского ему захотелось разорвать книгу на куски.

Не могу, впрочем, решить — прав автор фильма или всё-таки не совсем? А вдруг — при другом названии — кто-то из них и пошёл бы? И вдруг в душе его что-нибудь бы проснулось?

Передача кончилась в 01 ночи. И на том спасибо, это очень даже благодарно на фоне обычных желчных правил нашего ТВ. Слово по наказу доктора Геббельса — считавшего, что покорённым народам нужно разрешать культуру только развлекательную, — почти всё сколько-нибудь выдающееся или просто серьёзное, душу затрагивающее, показывается у нас или когда люди работают либо едут с работы, или глубокой ночью. Первое прямо лишает нас настоящих культуры, второе позволяет её, но — ценю упорования нормального суточного режима и просто-напросто здоровья. Принцип можно сформулировать так: ах, вам нужна «большая культура»? «высокое и прекрасное»? Нате, подавайте!

Ф ильм Хамдамова — явление не только и не просто казахское, но, может быть, в ещё большей степени — русское. Прежде всего в самом понимании культуры: её существа, приваения, её чести и достоинства, её роли в национальных судьбах; это русское понимание. Специфика России с её народом, который Вас. Розанов назвал «народом-художником», — эта специфика, помимо прочего, в том, что ведущая роль большой культуры, находящей свои идеалы в глубинах народной души и его же, народ, на этих идеалах воспитывающей, — что её главенство есть для России не прихоть, не роскошь, а хлеб насущный, условие существования. Иными словами — её, России, душа.

Я не раз уже шпигровал и не устаю повторять мудрую и пронзительную формулу Ивана Ильина: «Пушкин был дан нам для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории» (курсив автора. — В.Н.). Вот так: центр не литературы, не культуры даже, а — истории. Ни в одной другой стране ни об одном из величайших её гениев слова — будь то Гомер, Шекспир, Данте или Гёте — такого сказано не было, Россия в этом

смысле уникам — и не только в лице Ильина. Не минуло ещё и полувека со дня кончины Пушкина — а к 1880 году, ко времени открытия памятника в Москве, он был фактически признан едва ли не главою нации — что показало как характер и масштабы торжества, так и речь Достоевского и её несильный эффект в общественной.

Особость Пушкина среди мировых гениев — выражение особенности России и её культуры. Не «превосходства», а вот именно особенности, непохожести; начиная от множества доказанной на практике непереводимости Пушкина (словно он некий абсолют, по природе непересказуемый) или явления «мой Пушкин» (нет в других культурах «моего Шекспира», «моего Сервантеса», «моего Шиллера» и т.д.), до вот этого центрального в национальной истории.

Тут напрашивается занятное сопоставление. Место, занимаемое Россией на Земле, исторически недавно получило на Западе название *heartland*. «Народ-художник», населяющий «сердечную область» нашей планеты, признаёт «центром», своего рода солнцем своей истории, национальных судеб не царя или полководца, а поэта, писателя, «деятели культуры!» — как хотите, в этом что-то есть.

С этим сердечным «чем-то» (включающим и непереводимость «абсолюта», и «у каждого свой Пушкин», и многое другое) в тесной связи, думается, состоит и наша система ценностей, где духовное, безусловное, выше материального, идеалы, безусловно, главные интересов, нравственное важнейшее прагматического, совесть главное, — и все эти принципы абсолютны (что не мешает нам, грешным, их нарушать — не зная при том, что мы нарушаем, не меняя менталитета чёрное и белое).

Но у этого же поэтического, ментального «что-то» есть аспект и практический. А.Н. Островский на упомянутом уже торжестве по случаю открытия памятника сказал: «Через Пушкина умнеть всё, что может поумнеть». Мне уже приходилось говорить и писать о том, что всемирно известное явление под названием «русские мозги» имеет природу не этнобиологическую, а культурную, гуманитарную, и цитировать Юйштейна: «Достоевский дал мне больше, чем математика, больше, чем Гаусс!» Характерные для «русских мозгов» высота точки обзора, широта горизонтов, смелость и неожиданность поворотов — всё это в родстве с русской культурой, в частности литературы: с высотой её точки отсчёта ценностей (проше говоря, с высотой идеалов), широтой и свободой взгляда на мир и человека, смелой, порой парадоксальной диалектикой, любовью и стремлением к гармонии; во всём этом Пушкин — непревзойдённый образец.

Вот на эту-то нашу особость, непохожесть — в глазах многих чужд ли не «идиотский» (от названия романа Достоевского) — не совершается в течение уже двух десятилетий покушение.

Е сли высокая русская культура, вместилище и выражение нашей ментальности, толос народной души, так и останется выхоженной на коммерческую панель, если она окончательно перестанет быть доступной всему народу в его повседневном быту (эту задачу когда-то выполняло — и биастельно — советское радио), окончательно приобретёт статус пышного газа-мероприятия (так и вспоминается пушкинское: «Как жерва, пышно убрана?» — «Онегин», глава VII) с его заоблачными ценами и микроэкономическими тиражами, — если всё это будет продолжаться, толга высокие идеалы, которыми Русь жила на протяжении столетий, вывернутся наизнанку, точнее выиз, — и вместо «русских мозгов» мир получит «русскую мафину». Впрочем, название это скоро окажется анахронизмом, ибо не будет России — будет что-то другое, и довольно жуткое. Произоити это может исторически очень быстро.

М ногие Христовы причи основаны на примерах рыночных отношений. Однако никто не станет на этом основании утверждать, что идеология Евангелия есть рыночная идеология. Рынок — вещь необходимая; рыночная же идеология — вещь страшная. Она-то и стала у нас правящей, можно сказать, государственно-й, в жертву ей приносится всё: все ценности, все идеалы, делающие Россию Россией. В частности, рыночная идеология является у нас убийцей высокой культуры. И не только культуры.

Несколько лет назад один очень известный олигарх, он же государственный деятель, сообщил, что для успеха реформ у нас слишком много населения (адекватнее было бы — «слишком много народу», но последнее слово нынче не в моде). А сравнительно недавно влиятельный член Думы заявил, что наш народ вообще не очень пригоден к реформам: «Надо менять менталитет!» Так и сказал.

Но они не только говорят. Они делают. И у них кое-что получается.

Преподаватель филологического факультета рассказывает о семинаре по Пушкину, проведённом с 20 студентами. Разговор шёл о стихотворении «Я вас любил...». Студентам был задан вопрос, как они понимают последние две строки:

*Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

19 студентов ответили, что это... ирония, 20-й ответ был — насмешка.

Услышав такое от молодого поколения («нашего будущего»), впору удивляться. Никому из ребят (а они сейчас, как правило, умные) не пришла в голову мысль о великодушии и бескорыстии, о готовности к жертве во имя другого, о той истинной любви, которая, по ап. Павлу, «не ищет своего». Ни о чём человеческом. Слово и чувств таких не существует. В голову пришло только мелкое, своекорыстное и удручающее пошлосе. «Рыночное».

На одном моём выступлении был задан — очень милой девушкой — такой вопрос: «Скажите, а почему Татьяна такая анемичная?»

Это — про девочку, которая, увидев героя, превратилась в клубок страсти, — см. в главе VI. — Погибну. — Тания говорит, — Но гибну от него любезна...», а последний её монолог в VIII главе? И вот эта женщина — «анемичная»? Что это значит!?

А то значит, что у многих моих молодых людей человеческие чувства как то отсыхают. А это значит, что в наше время так порой понимаются «анемичности» качество, которое когда-то называлось чистотой. Ничего оно, видимо, не совсем и не всем понятно. И то, что героиня не прыгает сразу в постель к герою, вызывает отношение снисходительное, едва ли не безразличное.

Речь не о Пушкине: ему-то ничего не делается. Речь о другом. Так и вспоминается Юрий Шевчук:

Что же будет с Родиной и с нами?

Д аже через полтора века после смерти Пушкина всякому, для кого Россия не просто место жительства, берели душу слова некролога, написанного К. В.Ф. Одоевским: «Солнце нашей Поззии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!... Более говорить о сём не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потере, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава! Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! к той мысли нельзя привыкнуть!»

Некролог вызвал возмущение крупного чиновника и государственного деятеля С.С. Уварова: «...К чему эта публикация о Пушкине?... Что за выражения! «Солнце Поззии!»! Помилуйте, за такая честь? «Посредине своего великого поприща!»! Какое это такое поприще? Разве Пушкин был полководцем, военачальником, государственный муж?.. Писать стишки... не значит ещё прохлывать великое поприще!» — так передавал слова Сергея Семёновича его подчинённый.

Интересно, догадывался ли Уваров о возможном происхождении слов «Солнце нашей Поззии закатилось»? В 1263 г. во Владимире, во время служения в соборе, митрополит Кирилл вышел на амвон и сокрушённо произнёс: «Братия, знайте, что уже зашло солнце Земли Руской!» — и так Земля Русская ушла о кончины не великого князя Александра Невского. Вспоминился ли Уваров этот извест-

ный исторический факт? Может быть, и вспоминился (уможив его ярость): ведь Сергей Семёнович был человек не просто образованный, а — министр народного просвещения.

Или, по-нынешнему говоря, образо-

Вот тут и хотелось бы мне обратиться... нет, не к министру науки и образования — не та фигура в данном случае, — не к многочисленным, боюсь, идейным наследникам С.С. Уварова, вершащим нынче судьбы русской культуры, — а прямо к высшему руководству страны. Обратиться примерно так:

Господа! Мой человеческий и гражданский долг заставляет меня сказать о том, что в сроки вашего правления в России случилась катастрофа. Речь идёт о деении, придуманном отдельно от народа, без совета со знающими людьми, в обстановке клеветности, наглости и вместе с тем трусости; деении, осуществляемом, не смотря на бесчисленные протесты, с грубым тоталитарным напором и называемом «реформой образования». «Реформа» эта основывается — то ли по темноте придумщиков, то ли по некоему, прости господи, умуслу — на решительно чуждых для нас началах, ценностях и традициях, она угрожает не только — употреблю слово Пушкина — «самостоянию» России, но и самому существованию её как нации и, возможно, государства (притом в довольно близком историческом будущем) и представляет собой общенационального масштаба преступление против народа и страны.

Суть этой «реформы» — прежде всего в искоренении из системы образования любых элементов просвещения — в культурном, моральном, человеческом смысле этого слова; в вытеснении из процесса обучения детей и молодёжи начал просветительского, воспитательного, культурного, гуманитарного началом чисто технологического.

Основные составляющие этой «реформы»:

1. ЕГЭ — «угалайка» по образцу телегиры «Кто хочет стать миллионером». Вводятся такой «экзамны», по словам одного чиновника из Минобразования, для «унификации» анализа результатов, но полностью исключают из процесса экзамена личность ученика; тесты ЕГЭ не имеют никакого отношения к основательному и глубокому знанию предмета; введение подобного «экзана» провоцирует замену нормального обучения натаксианством. Подробнее обо всём этом говорится, например, в издании МГУ «Единный государственный экзамен. Белая книга», вышедшем в минувшем году.

2. Введение так называемой «болонской системы», от которой уж и на Западе, откуда она, разумеется, к нам и пришла, то тут, то там частично или полностью отказываются. Методика и смысл этой системы основаны на сокращении широты и основательности знаний в угоду узкой специализации.

3. Может быть, самое глупое и вредное: выведение русской литературы из категории базовых предметов. Это плевок в лицо и отечественной литературе во главе с Пушкиным, и всей нашей великой культуре с её высокой человечностью, и, в сущности, всему народу, эту культуру создававшему, — плевок одновременно с наносимым всему этому смертельным, быть может, ударом.

Пресловутый «план Аллена Даллеса» по уничтожению «мешающей прогрессу» России изнутри (за невозможностью уничтожить её снаружи), план, предполагавший длительную, ювелирную, нудную работу по разложению нашего менталитета, опровержению нашей системы ценностей, испровержению всековых идеалов, — детская игрушка по сравнению с нашей «реформой образования», которая всё же самое сделает одним махом — притом что времё «уже пошло».

Такая «реформа», способствующая быстрому превращению хомо сапиенс в хомо экономикс, человека мыслящего в человека рыночного, — для России страшнее любого нашествия, экономического кризиса или политического катаклизма; нейтральная бомба, которая, не вредя телу, уничтожает душу.

Если это деение будет продолжаться и дальше, на месте, где была Россия, возникнет некий вариант царства Великого Инквизитора; возможно, даже и «аукаться» именем Пушкина в наступающем мраке» (Вл. Ходасевич, 1921) будет со временем некому. Настоящая же Россия уйдёт, как Атлантида, — или в никуда, или, вместе с Пушкиным, в «музыка сфер».

Но, господа, может быть, вам всё это неинтересно? Или непонятно? Говоря так, не хочу вас обидеть; Козьма Прутков замечательно сказал: «Могли быши нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». Если я имею дело с таким случаем, мне остаётся — накануне дня рождения Пушкина — возвать так:

— Школьники, студенты, учителя, учёные, деятели культуры и искусства, отцы и матери, — объединяйтесь! Отечество в опасности.

Валентин НЕПОМНЯЩИЙ

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

It Is Not About Pushkin

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0250?lang=en>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Речь не о Пушкине

Файл скачан со страницы:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0250?lang=ru>

Произведения Рудольфа Хачатряна © наследники Рудольфа Хачатряна. Остальные тексты, фотографии и оформление © их авторы. При использовании материала укажите источник и ссылку на эту страницу.